

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
Б. Э. БЫХОВСКИЙ

**АМЕРИКАНСКИЙ
ПЕРСОНАЛИЗМ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА**

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 18 февраля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве

●

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1948 г.

Доктор философских наук
Б. Э. БЫХОВСКИЙ

АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 18 февраля 1948 года
в Центральной лектории Общества
в Москве

Редактор — А. А. МАКАРОВСКИЙ.

А 04547.

Тираж — 60 000 экз.

Заказ № 821.

Гипография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

«В наше время,— писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»,—нельзя философу не объявлять себя «реалистом» и «врагом идеализма»¹. Сорок лет назад реакционные философы старались скрыть свой идеализм и контрабандой протасить свой гнилой идеологический товар под фальшивыми ярлыками: «реализм», «эмпиризм», «позитивизм» и т. п. Для раскрытия действительной сущности махизма Ленину необходимо было разоблачить идеалистический характер этого реакционного философского течения, сорвать с него маску. И гениальный автор «Материализма и эмпириокритицизма» неопровержимо доказал, что за скудоумной претензией стать «выше» противоположности идеализма и материализма, «обойти» основной вопрос философии, прикрывшись дымовой завесой новой терминологии («нейтральных элементов» и пр.), скрывалось враждебное материализму идеалистическое и фидеистическое мировоззрение.

Ныне времена изменились. Хотя и теперь нет недостатка в идеалистических фальсификаторах, во врагах материализма, напяливающих на себя фальшивую личину, но борьба двух лагерей обострилась настолько и деградация буржуазной идеологии дошла до того, что на переднем плане сейчас — реакционные философы, сбросившие маску, открыто выступающие как смертельные враги научного мировоззрения, явные мракобесы, призывающие к крестовому походу против прогрессивных идей и теорий. К их числу относятся и приверженцы одного из влиятельных философских течений американского империализма — так называемого персонализма.

Обнагление идеологов реакции отнюдь не свидетельствует об укреплении их позиций в борьбе двух лагерей, оно вовсе не является результатом упрочения философского идеализма. Как раз наоборот, их ожесточение является продуктом бессилия, выражением отчаянного сопротивления неудержимому росту и укреп-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XIII, стр. 285.

лению противостоящих им идейно-политических сил. Непреодолимый рост революционно-демократических идей, всё сильнее сотрясающий устой человеконенавистнического строя капиталистической эксплуатации и империалистического разбоя, приводит в ярость и бешенство его апологетов. Успехи и завоевания научной мысли, дающие всё новые и новые подтверждения истинности и плодотворности материалистической диалектики, выбивают у идеалистических обскурантов одну позицию за другой. Загнанные в тупик мракобесы «наступают» потому, что им уже некуда отступить; их наглость и цинизм достигают предела потому, что им уже нечего терять. Нынешний крестовый поход остервенелых идеологов империализма против прогрессивной творческой мысли — это ожесточение обречённых, судорожные попытки повернуть вспять колесо истории.

Для выяснения сущности философии американского персонализма нет необходимости доказывать идеализм и фидеизм этого направления. Философы персонализма выступают как открытые сторонники идеализма и поповщины, не скрывая своей вражды к философскому материализму. Они со всей прямотой заявляют о религиозном, мистическом характере своего мировоззрения.

«В чём, в конце концов, тайна космоса? — вопрошает лидер американского персонализма профессор Южно-Калифорнийского университета Рэлф Флюеллинг. — В том, — отвечает он, — что сама материя существует в силу непрерывной и целесообразной воли высшей силы, которая создаёт и существующие отношения и личности, постигающие эти отношения. За таинственным неизвестным — бог, высшая личность, истинная тайна мирового порядка»¹. В унисон Флюеллингу один из наиболее влиятельных представителей американского идеализма, профессор Гарвардского университета Уильям Эрнест Хокинг, вторит: «Идеализм является... центром моей метафизики... Я говорю, что мир есть субъект (Self)... и что смысл всех вещей сочетается в единой воле... Я верю в мистический реализм, который является единственно приемлемым видом реализма»².

Откровенная религиозно-идеалистическая философия персонализма, не скрывающая своей ненависти к материалистическому миропониманию, построена на сознательной и преднамеренной фальсификации выводов современного естествознания, на софиз-

¹ R. T. Flewelling. Creative Personality, p. 303—304.

² W. E. Hocking. Types of Philosophy, p. 437—446.

мах в критике научного материализма, на приспособлении своей «теории» к нуждам религиозного суеверия. Метод их борьбы против материализма — метод фальсификации, подделки, извращения, клеветы. Этот же метод они применяют в своих высказываниях по общественно-политическим вопросам. Прикрываясь ханжескими демагогическими разглагольствованиями о социальном прогрессе и демократии, персонализм ведёт упорную борьбу против действительного социального прогресса и подлинной демократии, отстаивая враждебные народу интересы американского империализма.

* * *

Термин «персонализм» происходит от английского слова «person» (латинское — persona) — личность. «Персонализм» — значит «философия личности». Под этим названием выступает прямолинейный спиритуализм — открыто религиозная форма воинствующего идеализма. Персонализм является преобладающей в настоящее время в буржуазной философии США формой объективного идеализма, имеющей наибольшее распространение в реакционных протестантских кругах. Характерной чертой этой разновидности объективного идеализма является её плюрализм: персонализм не довольствуется единым духом, он наполняет мир множеством духов, целым сонмом духовных субстанций. Прототипом персонализма является монадология Лейбница — идеалистическая фантазия, будто мир состоит из множества духовных первоэлементов, монад, очагов духовной активности.

Профессор Бостонского университета Эдгар Брайтмен даёт следующее определение персонализма: «Персонализм — это вера в то, что вселенная есть общество сознательных существ, что энергия, описываемая физиками, есть божья воля в действии и что не существует бессознательного, безличного бытия. Всё, что есть, есть сознательный дух или некоторая фаза либо аспект сознательного духа»¹. В соответствии с этим основной вопрос философии — об отношении природы и духа, бытия и мышления — принимает для персоналистов форму вопроса об отношении природы и «личности», выступающей как синоним духа, сознания. «Сама природа, — пишет Брайтмен, — является опытом и проявлением энергии личности, которая больше, чем природа... Вся

¹ E. S. Brightman. Nature and Values, p. 114.

реальность только одного рода, а именно — личное сознание.. Сознание есть подлинная материя всякой данной реальности»¹.

Признавая личность первичной, а природу вторичной, персонализм тем самым утверждает первичность духа, сознания, субъективного по отношению к материи, бытию, объективному. Персоналистическое решение основного вопроса философии, превращая мир из материального в духовный, тем самым ведёт к замене объективной закономерности в природе и обществе—индетерминизмом, причинной обусловленности—телеологией. Цель и воля «божественной личности» становятся основными принципами мироздания, заменяя научные принципы закономерного, причинно-обусловленного движения и развития.

Центральное понятие персонализма — «личность». Лживая спекуляция этим понятием служит персоналистам основным орудием их антинаучных фальсификаций и социальной демагогии. О том, что личность — высшая реальность, конечная реальность, высшая ценность, персоналисты твердят назойливо, неустанно. Само собой разумеется, «личность» персоналистов не имеет ничего общего с действительной человеческой личностью, как она реально существует. Личность для персоналистов тождественна с сознанием. «Личность, — по определению Брайтмена, — есть единство сложных изменений сознания». Личность для них есть нематериальное начало, источник духовной энергии.

Выдвигая на передний план философии понятие личности в извращённом, персоналистском понимании, они стараются убить одновременно двух зайцев. Поскольку «личность» выступает как центральное метафизическое понятие, как противовес предмету, объекту, физической реальности, это понятие используется персонализмом для борьбы с основными принципами естественно-научного мышления; поскольку «личность» выступает как краеугольное социально-историческое понятие, как «конечная ценность» и «высшая цель» цивилизации, это понятие используется для борьбы с научным методом в общественных науках и с прогрессивными социально-политическими тенденциями.

Как ни изворачиваются, как ни виляют персоналисты, они не в состоянии скрыть, что их доктрина — очередная вариация буржуазного индивидуализма, культа буржуазной «личности». Появление марксизма знаменовало теоретическое крушение буржуаз-

¹ E. S. Brightman. Nature and Values, pp. 57, 115, 123—125.

но-индивидуалистического мировоззрения. Новый, социалистический мир, выросший и окрепший в борьбе против строя эксплуатации и насилия, неопровержимо на практике доказал превосходство социалистического принципа общественной организации над строем частной собственности и буржуазным индивидуализмом. Тридцатилетний прогресс советского общества доказал воочию, что всестороннее развитие личности, её свобода и счастье могут быть завоёваны только на основе социалистических форм жизни и труда, на почве морально-политического единства народа, освобождённого от капиталистической каторги и от разлагающего влияния буржуазного индивидуализма, воспламеняемого персоналистскими апологетами капитала.

Персонализм отвергает понятие материальной субстанции, материальной основы бытия. Реальность для него — «чистая», то есть духовная, активность, средоточием которой является «свободная воля» личности. «В причинной цепи, когда мы доходим до личной воли, как причины, мы не можем анализировать дальше»¹. Поскольку «личность» сводится к сознанию, а сознание — к «свободной воле», вся природа представляется в этой философии обскурантизма как «царство целей», «космической свободы», где за всеми вещами и процессами таятся незримые «личности». Антропоморфический характер этой «современной» философии настолько очевиден, что его не пытаются отрицать и сами персоналисты, признающие «невозможность избежать обвинения в антропоморфизме»².

Конкурируя с католическими неосхоластами, величающими своё ветхозаветное мракобесие «*philosophia regennis*», то есть «вековечная философия», и похваляющимися её древностью, персоналисты доказывают, что их мракобесие ещё древнее, что оно, как с комическим апломбом уверяет Флюеллинг, восходит к Гераклиту и Анаксагору. Чего уж древнее, если оно воспроизводит в XX веке тёмные антропоморфические представления первобытных дикарей, наделявших все окружавшие их вещи и стихии душою, сознанием и волей по своему образу и подобию, с той, однако, разницей, что души, которыми дикари наделяли деревья и камни, ручьи и горы, были несравнимо чище и безобиднее, чем души американских профессоров-петроградцев!

¹ R. T. Flewelling. *The Survival of Western Culture*, p. 84.

² R. T. Flewelling. *Personalism (XX Century Philosophy ed. by D. Runes)*, p. 327.

По справедливости нельзя не признать, что антропоморфизм эти господа проводят последовательно, распространяя его не только на явления природы, но и на господа бога. Одним из основных мотивов, в силу которых они предпочитают персоналистическую форму идеализма другим его формам, является соответствие персонализма правоверной христианской догме—теизму. Теизм есть религиозная вера в то, что бог имеет человеческий образ, что он является особой, высшей «личностью», обладающей разумом и волей, что человек создан «по образу и подобию» бога. Теизм есть суеверное антропоморфическое представление о божестве, сменившее в религиозной фантазии людей существовавшее до него зооморфическое представление о божестве в образе зверей и птиц. Персоналисты приспособливают всю свою «философию» к оправданию этой затхлой догмы религии.

На словах персоналисты горячо выступают против догматизма и на каждом шагу клянутся в верности опытной, экспериментальной науке, а на деле высшим критерием для них служит мёртвая религиозная догма, которой уже триста лет стесняются сами сторонники религии сколько-нибудь приобщившиеся к науке. «Природа — откровение божественной личности», «единственная субстанция природы — божественная личность»¹ — таково последнее слово буржуазной философии.

Водворив в свою систему божественную личность, персоналисты наглядно демонстрируют всю фальшь и лживость своих разглагольствований о первичности, свободе и независимости реальных личностей, образующих человеческое общество. Чего сто́ит весь шум, поднимаемый персоналистами против абсолютов, ограничивающих, умаляющих свободу и самоопределение «личности», если вся природа, по их утверждениям, есть откровение божественной личности и все личности «под богом ходят»! Разглагольствования о «личности» и её «свободе» понадобились персоналистам лишь для того, чтобы лишить настоящих, реальных людей духовной свободы, подливив их религиозной догме, закрепляющей эксплуататорский строй. Демагогически критикуя абсолютизм в философии, персоналисты во имя якобы восстановления попранных прав личности водворяют на трон божественную личность — худшую форму догматического абсолютизма. Начав за здоровье личности, они кончают за её упокой. «В полном самозабвении, — шаманствует Флюеллинг, — личность ре-

¹ E. S. Brightman. Op. cit. pp. 160, 162.

лизует своё истинное Я». И чтобы не оставалось никаких сомнений, он разъясняет: «Настоящий персоналист приходит к высшему проявлению Я, но достигает он этого путём самозабвения в служении богу...». В заключение Флюеллинг призывает «сделаться рабом той силы, служение которой только и есть совершенная свобода»¹.

Вульгарный софизм не может скрыть действительного содержания этой поповской проповеди. Персоналисты сулили философию духовной свободы, а предлагают философию духовного рабства; они прельщали всесторонним саморазвитием личности, а преподносят «самозабвение» личности, рабски припадающей к стопам «самодержца вселенной».

* * *

После этих деклараций воинствующего обскурантизма, что, кроме презрения, могут вызвать лицемерные заверения персоналистов, будто их философия находится в полном согласии с выводами экспериментальной науки, будто современное естествознание — их верный союзник. Грубо фальсифицируя научные данные, они стремятся заставить науку служить её злейшему врагу—фидеизму.

Современная опытная физика, утверждают персоналисты, несовместима с материализмом; они божатся, что наука «доказала» «несостоятельность» материалистического миропонимания и экспериментально «подтвердила» гипотезы персоналистического идеализма.

«Материализм мёртв», — вещает Хокинг, заканчивая очередное «опровержение» материализма, и с новым ожесточением принимается за следующее его «опровержение». Удивительно, с каким рвением, с каким остервенением воюют они с бедным «покойником»! «Материалистический тип натурализма самым развитием физики ныне исключён из возможных альтернатив»², — заклинает Хокинг в страхе перед растущим влиянием материализма, получающего подтверждение в каждом новом физическом открытии.

Доводы, приводимые персоналистами против материализма, в подавляющей своей части являются старой идеалистической жвачкой. Вся их аргументация — нудные перепевы физического идеализма, нескончаемые вариации на тему: «материя исчезла».

¹ R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 267.

² W. E. Hosking. Op. cit., p. 92.

Твердя махистские зады об исчезновении материи, персоналисты не смеют ни единым словом упомянуть о сокрушительном ударе, нанесённом по их беспочвенным претензиям в ленинском «Материализме и эмпириокритицизме». Они не смеют выступить против ленинской аргументации. Они упорно замалчивают её, делая вид, что она не существует. Только таким путём, путём умолчаний и обманов, они могут выдавать победы материализма за его поражения.

Физика XX века покончила с прежним метафизическим представлением об атоме. Она доказала его сложную и изменчивую структуру. Перед наукой открылась новая область сложных внутриатомных закономерностей. Атом из плодотворной научной гипотезы превратился в объект научного, экспериментального исследования, подвергаемый анализу, расчленению, лабораторному изучению. Предположения об атомной физической структуре материи уступили место достоверным знаниям о ней.

Открытия атомной физики являются торжеством научного, диалектического материализма. Таков философский смысл достижений физики XX века. Персоналисты изо всех сил стараются скрыть этот бесспорный итог развития науки. Следуя примеру своих предшественников из лагеря физического идеализма, в своё время разоблачённых Лениным, они изошряются в искажении сути открытий физики, лгут, передёргивают и обманывают, не гнушаясь никакими средствами, ради одной цели — «сокрушить» материализм и обосновать идеализм.

Реальность, говорят персоналисты, оказалась не материей, а активностью; «материя» из инертной массы, из «глыбы», движимой извне, превратилась якобы в энергию, в силу. «Мы, — пишет Флюеллинг, — заменили косный и инертный атом, который мог быть приведён в движение только извне, атомом, самая сущность которого — активность»¹.

Развитие физики, по словам персоналистов, покончило с материальным атомом и восстановило в правах лейбнищевскую монаду. «Семена вещей» — не материальные частицы, а силовые центры, первичные очаги самодеятельности. Их активность — проявление творческой активности космического разума. Источник внутриатомной энергии — божья воля. Учувя, что доказанное новейшей физикой самодвижение материи делает ненужным бога как движущу-

¹ R. T. Jewelling. The Survival etc., p. 195.

щую силу вселенной и укрепляет позиции атеистического материализма, персоналисты клянутся, что «внутреннее действие клетки и атома не является аргументом против существования высшей творческой воли или бога, а служит естественным свидетельством в пользу его существования»¹.

Сначала персоналисты облыжно приписывают материализму понимание действительности как мёртвой и косной, лишённой самодвижения. Оклеветав материалистическую философию, они после этого с торжеством заявляют, что открытия физики опровергают такой взгляд на природу, что прав поэтому идеализм, рассматривающий мир как сферу активности чисто духовных сущностей. Излюбленный персоналистами шулерский приём состоит в том, что они отождествляют диалектический материализм с материализмом механистическим и, критикуя последний, делают вид, будто их критика устарелых, отживших форм материализма является критикой современного научного материализма.

Хокинг беззастенчиво врёт, что материализм якобы разрывает материю, пространство и время, превращая последние в особые сущности, не понимаемые их взаимосвязности. Флюеллинг в ладу ему тянет, будто материализм защищает принцип непрерывности и отрицает прерывность в развитии природы. Материализм, надсаживаются персоналисты, отрицает реальность качества и сводит качественные различия к количественным; материализм не может объяснить изменение и развитие; стоя на позициях тождества причины и следствия, он исключает возникновение нового. И так далее и тому подобное.

Все эти жалкие инсинуации персоналистских клеветников заслуживают лишь глубокого презрения по той простой причине, что их обвинения совершенно неприложимы к современному научному материализму, нисколько не задевают его. Все те метафизические и механистические представления, против которых воюют персоналисты, чужды современному материализму и неприемлемы для него. Метафизическое понятие субстанции, допущение нематериального, пустого пространства, сведение качественных различий к количественным, отрицание прерывности, механистическое понимание причинности — всё это сто лет назад отвергнуто и опровергнуто марксистским материализмом, задолго до открытий современной физики, которые

¹ R. T. Flewelling. Personalism. I. c., p. 326.

блестяще подтвердили дальновидные теоретические прогнозы создателей диалектического материализма. Метафизические и механистические представления, в которых персонализм лживо обвиняет материализм, были преодолены основоположниками диалектического материализма — Марксом и Энгельсом, — всесторонне выяснившими всю ограниченность, несостоятельность и отсталость механицизма.

Марксистский философский материализм вырос и окреп в борьбе против механицизма. Марксизм доказал жизнённость и плодотворность материализма тем, что освободил научную мысль от сковывавшего её развитие метафизического и механистического догматизма и открыл перед ней безграничные перспективы. Научное опровержение механицизма — великая историческая заслуга марксистского философского материализма.

Марксистской критике механицизма, критике механицизма слева, с позиций научной материалистической философии, персонализм противопоставляет поповскую критику механицизма справа, с позиций фидеизма и мракобесия. Историческую ограниченность механицизма он пытается выдать за несостоятельность всякого материализма и бессилие научного мышления вообще.

Не следует думать, что персоналисты действительно не знают о существовании марксистского философского материализма. В своей работе «Природа и ценности» Брайтмен прямо называет диалектический материализм. Кокетничая своей осведомлённостью, он даже употребляет сокращённый термин «диамат». Он вынужден признать теоретическое превосходство диалектического материализма над прежними формами материализма. «В одном положительном отношении, — пишет Брайтмен, — современный натурализм имеет явное превосходство над древним материализмом и даже над механицизмом и атомизмом XIX века... Начиная с середины XIX века, под совместным влиянием Дарвина, Маркса и новейшей физики, материалисты начали понимать, что старые твёрдые атомы являются излишними; они начали говорить о мире энергии, о силовых полях, о становлении. Материализм стал «диаматом» (диалектическим материализмом), с упором на эволюцию и действённость»¹.

Прекрасно зная о том, что диалектический материализм свободен от недостатков и ограниченностей механистического материализма,

¹ E. S. Brightman. Op. cit., p. 97.

лизма, персоналисты тем не менее во всех своих писаниях отождествляют современный научный материализм со старым материализмом и критику механицизма изображают в виде критики марксистского философского материализма.

Эти мошеннические махинации показательны для современных идеалистов. Чувствуя своё полное бессилие в борьбе против диалектического материализма, они выполняют заказ своих хозяев тем единственным способом, который отвечает их натуре и возможностям: при помощи наглой лжи, бессовестного обмана, заведомых фальшивок.

* * *

Традиционным возражением всякого идеализма против материализма является мнимая необъяснимость с точки зрения материализма явлений сознания. Персоналисты также на все лады перепевают этот затасканный довод. «Если разум возникает, — с глубокомысленным видом заявляет Флюеллинг, — то сказать, что его источником не является первичный разум, значит сказать, что нечто может быть создано из ничего»¹.

Как известно, одной из вопиющих нелепостей религиозных построений является признание сотворения богом вселенной «из ничего». И уж кому-кому, а правоверному теисту лучше бы помолчать о сотворении «из ничего» и не сваливать с больной головы на здоровую.

Утверждение Флюеллинга — образец той убогой метафизики, которой пробавляются идеалисты. Сначала персоналисты отделяют непреходимой пропастью дух от материи, а потом объявляют, что дух не может возникнуть из материи, что такое возникновение есть возникновение из ничего. Для метафизика невозможен и немислим переход от неживой к живой материи, — это и демонстрируют рассуждения Флюеллинга. Но то, что невозможно для метафизиков-идеалистов, что служит для них вечным камнем преткновения, то легко решается с позиций научного, диалектического материализма.

С точки зрения диалектического материализма, возникновение сознания не составляет исключения из всеобщего закона развития: сознание возникло точно так же, как возникает всё новое. Но оно никогда не возникает из ничего, а всегда в результате закономерного развития материи путём диалектического процес-

¹ R. T. Flewelling, The Survival etc., p. 273.

са, принципиально доступного рациональному научному познанию и объяснению. Материалистическая философия ставит перед наукой задачу объяснения условий возникновения и развития сознания, считает такое объяснение возможным и с удовлетворением отмечает, что наука прошла немало по этому пути. С точки же зрения персонализма, такое объяснение и не нужно и невозможно. Научные искания в этом направлении находятся в противоречии со спиритуалистическими догмами персонализма.

Не менее вздорными и примитивными, чем аргументы Флюеллинга, являются доводы, приводимые против материализма по этому важнейшему вопросу Хокингом. Он повторяет ветхие рассуждения Декарта о том, что дух — субстанция непротяжённая и, следовательно, не может быть связан с материей, как субстанцией протяжённой. «Где оно (мышление. — Б. Б.)? — тупо острит Хокинг. — В голове ли оно? Или во лбу?.. Является ли мысль длинной? Является ли мысль о кубе кубической?.. Требуется ли большая мысль больше места в голове, чем маленькая?»¹. Мысль Хокинга, безусловно, требует очень мало места в голове, и она, несомненно, не кубическая, а плоская. Достаточно применить логику Хокинга к любому другому свойству, проявлению или форме существования материи, чтобы убедиться в её вздорности. Является ли время, посвящённое Хокингом рассуждению о кубе, кубическим? Являются ли звуки, произносимые им при этом рассуждении, кубическими?.. Протяжённость — одно из свойств материи, сознание — другое её свойство, присущее высшим формам её организации, и пространственные определения так же нелепо прилагать к актам сознания, как давать звуковые характеристики цветам или цветовые — звукам и говорить о зелёном свисте или о громкой желтизне.

Эдгар Брайтмен, стремясь подкопаться под материалистическое понимание сознания, начинает с хитрецей, издалека. Вся беда, видите ли, в том, что философы не дают точного определения, что такое «природа». Материалисты понимают под «природой» всё существующее. Брайтмен отвергает такое понимание на том смешотворном основании, что если «природа» — это «всё существующее», то она является излишним понятием. Зачем употреблять термин «природа», если можно говорить «всё существующее»? —

¹ W. E. Hocking. Types of Philosophy, p. 98.

с наивным видом спрашивает Брайтмен. Употребление термина «природа», заявляет он, имеет смысл лишь в том случае, если он не совпадает с термином «всё существующее». Наивный вид понадобился Брайтмену для маскировки грубой шулерской проделки. Он прекрасно понимает, что отождествление природы со всем существующим не есть простая тавтология, что оно подытоживает многовековой опыт развития научной и философской мысли. Отождествление это выражает признание естественного, материального, закономерного характера всего существующего, исключение сверхъестественного, сверхопытного, не относящегося к закономерным явлениям природы и не поддающегося рациональному познанию из числа предметов, существование которых возможно. Брайтмен всё это отлично знает, и именно поэтому он старается различать понятия «природы» и «всего существующего», ограничить «природу», чтобы дать место среди «существующего» несуществующему, неприроде, сверхъестественному. Природа, утверждает он, это не всё существующее, а только часть существующего — сфера чувственных восприятий, то, о существовании чего мы узнаём путём ощущений. Другая часть существующего, постигаемая путём внутреннего опыта, сверхчувственным путём, не относится к природе. Таким образом, Брайтмен подсовывает вывод, что сознание не есть часть природы, что, кроме чувственного опыта, будто бы есть ещё опыт сверхчувственный, на котором якобы основаны понятия долга, духовных ценностей и уж, конечно, религиозные верования. Признание «сверхчувственного» опыта, не относящегося к природе, создаёт, по словам Брайтмена, «эмпирический базис для мышления о сверхъестественном»¹.

Никакого доказательства во всём этом рассуждении Брайтмена нет и в помине. Все его выводы покоятся на совершенно произвольной и абсолютно бездоказательной посылке, утверждающей, что природа не охватывает «всего существующего», что «всё существующее» шире природы, что в это «всё существующее» входят бог, бессмертие души и прочие аксессуары религиозного суеверия. Как полагается реакционному идеалисту, взявшемуся доказывать недоказуемые вещи, Брайтмен применяет приёмы софистики и логических передержек, чтобы придать видимость убедительности своей квазифилософской болтовне.

¹ E. S. Brightman. Nature and Values, p. 46.

Для «эмпирического обоснования» спиритуализма персоналисты прибегают и к другим ухищрениям. Так, например, тот же Брайтмен убеждает, что поскольку весь наш опыт имеет сознательный и личный характер, то и причина нашего опыта, то есть то, что вызывает наши ощущения, должна соответствовать своему следствию и также иметь сознательный и личный характер. Другими словами: конечной причиной наших ощущений является творческий дух, божественное существо.

Это «эмпирическое обоснование» идеализма служит ярким примером той плоской и антинаучной метафизики, которой пользуются идеалисты для защиты идеализма. Вся убогая премудрость Брайтмена, унаследованная им от блаженной памяти епископа Беркли, сводится к плоскому метафизическому правилу: от подобного — подобное; сознание может испытывать воздействие только со стороны другого сознания. Метафизик Брайтмен отрицает засвидетельствованный наукой и подкрепляемый повседневным опытом миллионов людей бесспорный факт непосредственного воздействия материального мира на сознание человека. Он отвергает неоспоримое основоположение психофизиологии, согласно которому непосредственная причина ощущений никогда не бывает нематериальной, а всегда — физиологическим раздражением. Если верить персоналистам, ощущает не материальное существо посредством органов чувств, а безмозглая, безглазая, безухая «личность».

Ленин неоднократно указывал, что идеалисты не понимают перехода от материи к ощущению. Писания персоналистов служат яркой иллюстрацией этого ленинского положения. Они не понимают перехода от неживой материи к живой, к материи, одарённой свойством сознания; они отрицают тот установленный наукой факт, что в ходе своего развития материя переходит к высшим по своей организации формам, обладающим способностью ощущения. Персоналисты не понимают перехода от материи к ощущению и в том смысле, что они отрицают возможность воздействия материального мира на сознание человека, отрицают, что человеческое сознание является отражением этого мира. Метафизический метод мышления, исключаящий развитие, скачки, перерывы непрерывности, безраздельно господствует в мышлении персоналистов, которые используют его для защиты идеализма.

Произведения персоналистов представляют собой своеобразную антинаучную энциклопедию, свод приёмов фальсификации научных знаний, копилку противоматериалистических софизмов и фальшивок. Среди них большое место занимает фальсификация теории эволюции.

Борьба против дарвинизма была издавна излюбленным коньком персоналистов. В работах одного из родоначальников этого течения, Джорджа Хауисона, учение Дарвина было главной мишенью. Современные персоналисты, продолжая борьбу против величайшего завоевания естественно-научной мысли, в последнее время изменили свою тактику в этой борьбе. В чём тут дело, откровенно выбалтывает Флюеллинг в своей книге «Жизненность западной культуры». Флюеллинг сожалеет, что церковь на протяжении долгих лет враждебно относилась к дарвинизму. По мнению Флюеллинга, церкви следовало не ожесточать дарвинистов, а приручить их. «Если бы, — пишет он, — церковь вела себя дружелюбно, она могла бы освоить теорию Дарвина в интересах теизма... Но время для этого тогда ещё не пришло...» и теория Дарвина «попала всецело в руки материалистов»¹. Флюеллинг и его сподвижники стараются исправить положение. Поскольку дарвинизм вопреки всем проискам церковников прочно укоренился в теоретическом мышлении всего культурного мира, им ничего лучшего не остаётся, как попытаться «освоить» его в интересах попущины.

Вот как это делается. Эволюция есть определённое отношение между членами или звеньями эволюционной цепи, рассуждает Флюеллинг. Но всякое отношение есть проявление разума, поскольку оно якобы предполагает соотносящее начало. Таким соотносящим началом, вносящим определённый порядок в эволюционный ряд, придающим ему определённое направление, может быть, по уверению Флюеллинга, только высший творческий разум, то есть бог. Стало быть, «теория эволюции не может быть логически оправдана без допущения творческого разума вне или внутри процесса»². Поскольку же дарвиновская теория эволюции утверждает целесообразный результат эволюции, приспособление организмов к условиям их существования, то она, дескать, требует допущения не только разумной, но и доброй воли благого провидения. Мате-

¹ R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 274.

² Ibid., p. 272.

риализм посрамлён, теизм торжествует! Но что при этом произошло с дарвинизмом? Он превратился в собственную противоположность — в антидарвинизм, ибо сущность эволюционного учения Дарвина как раз и заключается в рациональном, детерминистическом объяснении биологического прогресса, в научном объяснении того, каким образом целесообразный результат возникает без целеполагающих движущих сил.

Дарвинизм является научным опровержением телеологии, нанёсшим ей смертельный удар. Всякая телеологическая концепция неизбежно является антидарвинизмом. «Освоить» дарвинизм можно только отказавшись от телеологии. И церковь это прекрасно понимала, ведя ожесточённую борьбу против дарвинизма. Потуги персоналистов «освоить» учение Дарвина, перекрестив антидарвинизм в дарвинизм, поистине смехотворны.

Что касается «доказательства» Флюеллинга, то оно может служить наглядным примером «отношения», не являющегося «проявлением разума». Если всякое отношение предполагает «соотносящее начало», почему этим «началом» не может быть вечно движущаяся материя? Да и как может нематериальное начало «соотносить» материальные соотносящиеся элементы? Впрочем, божьей воле всё доступно, особенно, когда она действует по воле персоналистов!

Всячески фальсифицируя выводы науки, персоналисты в то же время не упускают случая ограничить, дискредитировать науку, потеснить знание, чтобы дать место вере. «Персоналисты, — пишет Брайтмен, — ...убеждены, что есть некоторые вопросы, которых не ставит никакая наука и никакое сочетание наук, но которые должны быть поставлены...». «Персоналисты полагают, что наука — ещё не вся истина». «Единственный акт истинной любви, — патетически восклицает Брайтмен, — ценнее, чем всё знание всех энергий природы без любви»¹. В этом противопоставлении любви знанию всё поповское нутро персонализма как на ладони. О какой истинной любви идёт речь? О любви к природе? Но она является лучшим стимулом познания природы. О любви к народу? Она является лучшим стимулом познания общества и его преобразования на благо народа. Но не о любви к природе или любви к народу говорят персоналисты. Речь у них идёт о любви к богу, которая, действительно,

¹ E. S. Brightman. Nature and Values, pp. 114, 121, 48.

несовместима с научным знанием. И когда Флюеллинг говорит о «могиле научного рабства», о том, что «наука — служанка рабства и невежества»¹ — он даёт самое убедительное и красноречивое свидетельство ненависти персонализма к науке и приверженности к мракобесию.

Американские мракобесы выступают под лозунгом: «Мы не хотим добиваться мира с наукой путём её умиротворения». Они провозглашают жёсткую политику по отношению к науке. Религия всегда паразитировала на пробелах в научном познании; религия забивалась во все щели научного мировоззрения, откуда наука вытравляла её шаг за шагом, с каждым новым открытием, с каждым новым достижением. История победы научной мысли была историей поражений религиозных суеверий. В течение трёхсот лет, пишет Хокинг, религия «лояльно вела отступательную войну, всячески используя каждую ещё не познанную область природы: ещё не могли быть объяснены источники жизни, таинственное происхождение видов, изумительная приспособленность мира для живых существ, появление человеческого разума. Теперь религия поняла, что она не может ютиться на временных пристанищах, откуда она может быть изгнана ближайшим научным открытием; не может она жить тем, что ей перепадает от неудавшихся лабораторных опытов»².

В наши дни, когда озверелые американские империалисты перешли в наступление на демократические права трудящихся, на свободу и независимость народов, их идеологи бьют в набат, призывая мракобесов всех стран в поход против науки. Из всех щелей вылезли забившиеся туда от научного света обскуранты. К истошному вою реакции против мира, свободного труда и подлинной народной демократии они присоединяют свои злобные выпады против свободного творческого разума и передовой науки.

Персоналисты изощряются в том, чтобы принизить, умалить, ограничить, дискредитировать науку. Они цепляются не только за слабые звенья научного познания, но всячески стараются очернить и бесспорные научные достижения. Единственная роль, отводимая ими науке, — это роль, которую она исполняла в средние века, — роль служанки богословия. «Науке, — милостиво

¹ R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 144.

² W. E. Hocking. Science and the Idea of God, p. 8.

заявляет Флюеллинг, — разрешается показать со всей ясностью разумность теистического утверждения, равным образом философия разрешается показать, что в этом утверждении нет ничего изначально нелогичного... Лучшее, что может сделать философия, это показать разумность признания бога»¹. Что и говорить, «блестящее» будущее готовят науке и философии собравшиеся в крестовый поход псаломщики святого доллара!

* * *

При всём том усердии, которое прилагают персоналистские мракобесы в борьбе против научного понимания природы, основное поле их реакционной деятельности всё же не здесь, а в сфере общественной жизни. Борьба против марксистского научного понимания социальных явлений, против революционной общественной теории и практики, охрана реакционных социальных институтов буржуазного мира, освящение буржуазной псевдodemократии и империалистических притязаний США — вот что является главной задачей и конечной целью их софистических разглагольствований и елейных проповедей.

Эту свою задачу они осуществляют «испытанными» методами — при помощи фальсификации, обмана и клеветы. В центре критических упражнений персоналистов — ветхий антимарксистский довод, который был подвергнут уничтожающей критике уже в ранних работах Ленина. Хокинг в своей работе «Человек и государство» предпринимает покушение с негодными средствами, пытаясь доказать внутреннюю «противоречивость» марксизма. Эту «противоречивость» он усматривает в том, что марксизм, утверждая необходимый и закономерный характер исторического процесса, в то же время подчёркивает значение революционной деятельности рабочего класса для осуществления перехода от капитализма к социализму. «Вера в материалистическую детерминированность истории», уверяет Хокинг, несовместима с «верой в революцию», и, совмещая их, марксизм, дескать, обнаруживает свою «логическую несостоятельность».

Десятки лет критики марксизма не перестают повторять, что убеждение в закономерности исторического процесса обрекает людей на фаталистическую пассивность. Вся вздорность этого аргумента явствует из того, что исторический детерминизм есть, по самому своему предмету, учение о законах человеческой

¹ R. T. Flawelling. *Creative Personality*, pp. 85, 264.

деятельности, составляющей содержание исторического процесса. «В истории общества, — писал Энгельс, — действуют люди, одарённые сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определённые цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желанной цели»¹. Понятие исторической закономерности, абстрагированное от деятельности людей, лишено всякого рационального смысла, подобно тому, как понятие химической закономерности теряет всякое содержание, будучи «отвлечено» от процессов, в которых участвуют химические элементы. Исторический детерминизм не только «нуждается в поддержке» человеческой активности, но его попросту не существует вне этой активности, ибо он и есть самая эта активность, рассматриваемая в её необходимости. Противопоставление исторического детерминизма деятельности людей представляет собой бессмыслицу, рождённую в отуманенных ненавистью к революционной теории головах идеалистов.

Фальшь и полнейшая несостоятельность этих «критических» выпадов с абсолютной убедительностью доказаны всей историей борьбы рабочего класса, в особенности практикой борьбы рабочего класса России, увенчавшейся победами всемирноисторического значения. Знание законов общественного развития, понимание того, что история необходимо движется к замене капитализма социализмом, не только не приглушало революционной активности трудящихся, а, напротив, было одним из источников той поразившей весь мир всепреодолевающей революционной энергии, которая была развита партией и рабочим классом в борьбе за уничтожение капитализма и построение коммунистического общества.

Знание законов, по которым развивается общество, — великая сила в руках партии, строящей свою политику на закономерностях развития общества. Именно поэтому неистовствуют реакционные идеологи, отрицая закономерность общественной жизни, брызжа ядом бешенства против «веры в исторический детерминизм».

«Экономические теории общества и государства, — продолжает Хокинг свою «критику» марксизма, — стремятся быть реалистическими... Но, показав, чем являются социальные процессы, они уклоняются от того, что должны делать настоящие реали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 667.

сты, — признать эту экономическую структуру нормальной и тем самым правильной; они же, напротив, отвергают её»¹. В этой тираде Хокинг раскрывает подлинное классовое лицо своей реакционной философии. Для Хокинга быть «настоящим реалистом» — это значит признать капиталистическую «экономическую структуру нормальной и тем самым правильной». В этом весь смысл похода персоналистов против марксизма. Быть «реалистом» — это значит для них защищать капитализм и воевать против социализма.

В своей более поздней работе «Наука и идея бога» Хокинг заводит старую погудку об историческом детерминизме на новый лад. Материалистическое понимание общественной жизни, заявляет он, не может служить стимулом общественно-полезной деятельности, источником гуманности и моральных побуждений. Источником морального воодушевления, без которого нет служения обществу, может служить только религия.

Некогда предшественник французской просветительной философии Пьер Бейль поставил вопрос: возможно ли существование атеистического общества или вместе с верой в бога рухнут все нравственные устои социального общежития? Передовой мыслитель XVII века ответил положительно на этот вопрос: он высказал убеждение в возможности атеистического общества. Ныне, триста лет спустя, реакционный американский философ снова ставит тот же вопрос, но даёт на него отрицательный ответ: без веры в бога, без божественного авторитета, без любви к богу гуманизм и человеколюбие якобы невозможны, ибо любовь к человечеству, по мнению Хокинга, это бессильная любовь к абстракции. Только «сверхчеловеческий смысл» может оправдать любовь к человечеству. Только служение богу может оправдать заботу о людях.

В этих поповских рассуждениях с предельной ясностью обнаруживается коренная противоположность гуманизма теологическому мировоззрению, не знающему ни настоящей любви к человеку, ни настоящей веры в него и его будущее, мировоззрению, для которого не бог — фантастический вымысел, а человечество — абстракция; для которого сам по себе человек недостойн любви; для которого человек — ничто, религиозная догма — всё.

Хокинг не может пройти мимо общеизвестных фактов, опро-

¹ W. E. Hocking. *Man and the State*, p. 293.

вергающих его поповские бредни. А эти факты свидетельствуют, что не мёртвые религиозные догмы, а передовые социальные идеалы являются величайшим стимулом творческого вдохновения, морального подъёма, массового героизма людей.

Общество, придерживающееся последовательно научного, материалистического мировоззрения, существует и шествует во главе исторического прогресса, являя невиданные в истории человечества образцы нравственного воодушевления и гуманистического энтузиазма. «Я полагаю, — признаёт Хокинг, — что впервые в истории цивилизованного человечества и, возможно, во всей человеческой истории мы имеем в большом масштабе экспериментальное свидетельство успешной общественной деятельности, обходящейся без бога. Ныне в России, вот уже двадцать пять лет, перед нами атеизм великого народа... Мы можем кое-чему научиться, наблюдая, как великий социальный энтузиазм оказывается хорошей заменой традиционной религии... Господствующее (среди народов России. — Б. Б.) чувство, что... эта страна и её дело являются «их собственной страной» и «их собственным делом», сделало возможными невероятные народные усилия в деле национальной обороны. Перед лицом этих фактов никто не может отрицать, что активный общий интерес социальной группы способен заставить забить ключом моральный идеализм человеческой природы... Мы видим, что общество выполняет существенные функции божества, спасая от эгоизма, который есть смерть общества...»¹.

Так неопровержимые факты доказывают великую силу и жизненность социалистического строя, не оставляя камня на камне от критических построений врагов марксизма, от их идеалистических пасквилей на коммунизм.

Но не таковы эти господа, чтобы признать своё поражение перед лицом великого «социального эксперимента». Они пытаются изворачиваться. Но до чего жалки и неуклюжи их попытки! Хокинг хватается, как утопающий за соломинку, за «прагматическое правило»: «Если две идеи имеют одни и те же последствия, они тождественны». «Стало быть, — не стесняется писать Хокинг, — если «бог» является существом, которое возвышает и спасает индивидуумов посредством их привязанности к источникам их жизни и культуры, и если «общество» также является

¹ W. E. Hocking. Science and the Idea of God. p. 66—67.

существом, которое возвышает и спасает посредством той же самой привязанности,—в таком случае бог и общество—это лишь два названия для одной и той же вещи»¹. Общество — лишь «моральный эквивалент бога»².

Плохи, видно, дела у персоналистов, если им приходится защищать бога и религию такими убогими средствами.

Нелепость и фальшь этих рассуждений Хокинга очевидны. Вся история человечества буквально вопиет против его утверждений. Заявить, что идея общества и общественного блага по своему воздействию на людей тождественна идее бога, — это всё равно, что отождествить свет и мрак, истину и ложь. Идея бога затемняет сознание людей, принижает их, превращает в покорных рабов. Идея общественного блага пробуждает социальные чувства людей, высокий гуманизм, героическое служение народу. Одурманивание народа теологическими бреднями, затемняющими его сознание, отвлекающими его от классовой борьбы, наруку эксплуататорам, стремящимся во что бы то ни стало сохранить своё господство вопреки жизненным интересам трудящихся. Не общество — «моральный эквивалент бога», а бог — идеологический эквивалент интересов реакционных классов, стремящихся предотвратить революционное преобразование общества.

* * *

В своей «критике» марксизма персоналисты считают невозможным пройти мимо марксистского учения о государстве. Марксистскому пониманию государства в антагонистическом обществе как орудия подавления трудящихся классом эксплуататоров персоналисты противопоставляют традиционное учение всех идеологов эксплуататорских классов о надклассовой сущности государства.

Прошли те времена, когда можно было замолчать идеи марксизма по вопросу о государстве и ту сокрушительную, уничтожающую критику, которой подверг марксизм буржуазные теории государства. Персоналисты это понимают. Поэтому они для защиты ветхой идейки о надклассовом характере государства прибегают к «новому» способу — проводят различие между исторически существовавшими государствами и «сущностью» государства.

¹ W. E. Hocking. Science and the Idea of God, p. 59.

² Ibid., p. 51.

Именно так поступает Хокинг. Он вынужден признать, что «исторически требование об установлении законного порядка и поддержка его исходили, главным образом, от владельцев материальных благ»¹. Это обстоятельство, по мнению Хокинга, «создало впечатление, будто стальные скрепы социальной структуры являются не чем иным, как воплощённой волей экономически господствующего класса»². Однако, уверяет Хокинг, это нисколько не характеризует самую сущность государства. Нужно, мол, различать между сущностью государства, его «идеей» и конкретным её осуществлением. «Долгая и непрерывная история злоупотребления властью со стороны собственников должна рассматриваться, — уверяет Хокинг, — как искажение нормальных функций государства, а не как его сущность»³.

Из этих фальшивых рассуждений Хокинга видно, как метафизический метод мышления служит персоналистам для защиты реакционнейших положений в области общественной теории. Приём Хокинга очень «прост»: он умышленно отделяет «сущность» государства собственников от его исторических проявлений, возводит между ними китайскую стену и таким путём пытается скрыть классовую природу этого государства. Глубоко антинаучный характер подобных рассуждений очевиден. Построения Хокинга являются поруганием науки, полным отрицанием элементарных требований научного подхода к общественным явлениям. По Хокингу, вся история государства, сплошь заполненная «злоупотреблениями властью со стороны собственников», оказывается, нисколько не характеризует сущности этого государства, не имеет к ней никакого отношения! Государство возникло как орудие классового господства. Вся история государства в обществе, разделённом на антагонистические классы, была историей насилия одного класса над другими. Смена исторических форм государства была сменой господства одного класса господством другого. Таковы факты, такова историческая действительность, такова реальная история существования государственной власти в классовом антагонистическом обществе. Но, по Хокингу, всё это не определяет «сущности» государства. Историческая действительность — сама по себе, его метафизическая «сущность» — сама по себе. Чем бы всегда ни было

¹ W. E. Hocking. *Man and the State*, p. 286.

² *Ibidem*.

³ *Ibid.*, p. 288.

государство на самом деле — по «сущности» своей оно является собственной противоположностью. Применяя логику Хокинга, следовало бы рассуждать так: хотя вся история фашизма есть история разбоя, чудовищных преступлений, варварства и злодеяний, отсюда нельзя заключать о человеконенавистнической «сущности» фашизма; всё это было лишь «злоупотреблением» фашистских главарей, извративших истинную сущность фашизма. Теория внеклассового государства строится Хокингом с помощью «логического» метода, постоянно применяемого прислужниками буржуазии в борьбе против марксизма: если факты противоречат реакционной теории — тем хуже для фактов. Впрочем, указанием на попрание законов логики смутить персоналистов нельзя. Отказ от логики — приём, сознательно и широко применяемый идейными прислужниками буржуазии в их борьбе против марксизма. Что до логики Хокингу, откровенно заявляющему, что его цель состоит в том, чтобы «проложить мост через пропасть между классами вопреки всем противоречиям материальных интересов»¹.

* * *

Реакционный характер религиозно-персоналистического подхода к общественной жизни выступает во всей наготе в том анализе, который дают персоналисты современному кризису буржуазной цивилизации. Наличие глубокого социального кризиса не вызывает у них сомнений. «Факты личного, экономического, религиозного, межнационального и международного хаоса являются столь очевидными чертами современной жизни, что для их доказательства нет надобности в особом диагнозе общественной ситуации. Оглянитесь вокруг себя. Этого достаточно»². Но где же выход из этого кризиса? «Как создать из хаоса космос?» — вопрошают персоналисты.

Чтобы ответить на эти вопросы, они обращаются к характеристике болезней, присущих западной цивилизации. Вся беда, по их мнению, заключается в том, что мир раздирается жестокой борьбой, антагонизмами, непрерывными конфликтами. Где же корень этой борьбы? Где источник этих раздирающих мир противоречий? В реакционности эксплуататорского строя? В

¹ W. E. Hocking. *Man and the State*, p. 453.

² E. S. Brightman. *Op. cit.*, p. 85.

личности капиталистических хищников? В несовместимости свободы и счастья народов с системой империалистического грабежа? Нет, не здесь ищет Брайтмен корень всех социальных зол и бедствий. Корень их он находит... в душе каждого отдельного человека. «Личность является ареной, на которой возникают все эти конфликты. Личный мир является миром конфликта...»¹. Отсюда незамедлительно следует вывод: поскольку «арена конфликтов — личность», то «победа и поражение должны свершиться на этой арене»². В душе каждого отдельного человека, проповедует Брайтмен, должна быть выиграна битва против нынешнего мирового хаоса. Социальный прогресс, поясняет ту же мысль Флюеллинг, является не результатом изменения внешних условий, а результатом импульсов, исходящих из внутреннего мира личности. Никакое общественное переустройство, никакое преобразование объективной действительности, материальных условий жизни не может, по его словам, обеспечить счастья людей.

Вот почему, заявляют персоналисты, так важен выбор между материализмом и идеализмом, между материалистическим и идеалистическим методом разрешения жизненных проблем, между материалистическим и идеалистическим путём выхода из современного кризиса. «Самый важный вопрос, который каждому надлежит решить, — пишет Брайтмен, — как теоретически, так и практически, — это вопрос о том, быть ли ему идеалистом или материалистом»³. Быть материалистом — значит искать выхода на пути изменения внешних условий, преобразования общественных отношений, переустройства социальной среды; быть идеалистом — значит искать выхода на пути внутреннего преобразования личности, нравственного самоусовершенствования. Нужна, говорит Флюеллинг, не новая организация общества, а новая душа. Другими словами, нужно изменить не мир, а своё отношение к нему. «Современный человек, — возмещает Брайтмен, — должен спастись от себя самого, каким он есть, в интересах себя самого, каким он должен быть»⁴.

В этих рассуждениях со всей наглядностью обнаруживается сугубо реакционный политический смысл теоретических построений философского идеализма. Идеалистический примат субъектив-

¹ E. S. Brightman. Op. cit., p. 66.

² Ibid., p. 115

³ Ibid., p. 91.

⁴ Ibid., p. 66.

ного над объективным, рассуждения персоналистов о двух путях выхода из социального кризиса, призывы перенести арену борьбы из сферы общественного бытия в сферу личного сознания раскрываются в своих практических выводах, как яростная борьба против революционной деятельности масс, направленной на низвержение капитализма.

Персоналистская теория остриём своим устремлена против теории классово-борьбы и социалистической революции. Учению о развёртывании классово-борьбы как единственного реального средства покончить с хищными реакционными силами, тормозящими развитие общества, персоналисты противопоставляют проповедь «всеобщей любви», социального «единения» эксплуататоров и эксплуатируемых, проповедь «социальной гармонии» в рамках существующего строя. «Есть только один метод, — заявляет Брайтмен, — с помощью которого может быть построен мир ценностей. Это метод, который Платон называл «убеждением», а христианство называет «обращением» — изменение людей путём апелляции к духовным силам»¹.

Вражда к материалистическому пониманию истории неразрывно связана у персоналистов с их стремлением затемнить классовое сознание трудящихся, парализовать волю народных масс к борьбе за своё освобождение, укрепить власть эксплуататоров. Брайтмен мечтает о том, чтобы «Нагорная проповедь» стала конституцией как царства небесного, так и царства земного. Он призывает эксплуатируемых не бороться против эксплуататоров, а убеждать их; он призывает жертвы империализма не сражаться против поработителей, а апеллировать к их духовным силам; против атомных громил и международных шейлоков он рекомендует выступать с проповедью о воздержании.

Персоналистские сюсюкания о всеобщей любви — это не гуманизм, а его противоположность. Подлинный гуманизм неотделим от святой ненависти к врагам трудящихся, от боевой, воинственной ненависти к империализму — реальному источнику народных бедствий. Подлинный, действенный гуманизм воплощает любовь к людям в борьбу за свободу народов от империалистического гнёта.

* * *

Книга Флюеллинга «Жизненность западной культуры» является ответом персонализма на «Закат Европы» Шпенглера,

¹ E. S. Brightman. Op. cit. p. 86

ответом философа американского империализма философу империализма германского. Флюеллинг уверен в возможности сохранить и укрепить буржуазную цивилизацию. Он надеется, что под маской буржуазной демократии империализму удастся подавить подлинную народную демократию. Книга Флюеллинга — циничная апология американского империализма, прикрывающая фразами о демократии непримиримую ненависть к ней.

Флюеллинг устанавливает прямую связь между философскими основоположениями персонализма и демагогией буржуазной лжедемократии. Личность, заявляет он, — не только первичная реальность, но и высшая ценность, основа цивилизации. Развитие западной цивилизации — это развитие идеи личности. Сохранение этой цивилизации — это сохранение свободы личности.

Сделав личность основной категорией общественной жизни, Флюеллинг стремится одним ударом решить две задачи. Во-первых, удалить из поля зрения общественные классы: отношения классов подменить отношениями «личности» и «общества». Во-вторых, противопоставить личность массам, болтовней о благе «личности вообще» прикрыть свою ненависть к миллионам реальных личностей в трудящихся классах.

Буржуазную демократию персоналисты связывают с идеей «святости личности». «Личность, — говорит Флюеллинг, — высшая сущность демократии»¹. Персоналистская натурфилософия является ввиду этого, по заявлению её адептов, не 1001-й вариацией буржуазного культа личности, противопоставляемой интересам народных масс и подлинной демократии, а... «космическим обоснованием демократии».

Чтобы придать «учёный» вид своей апологии буржуазного индивидуализма, Флюеллинг различает два понятия общественной жизни: геометрическое и арифметическое. Эти два понятия лежат, по его мнению, в основе двух разных цивилизаций: восточной и западной. Общество в восточном, геометрическом понимании исходит из целого, всеобщего, подчиняя ему отдельное, единичное; общество в западном, арифметическом понимании кладёт в основу отдельное, единичное. Демократия и есть, по уверению Флюеллинга, выражение арифметического, западного понимания общества; сущность её в ограждении прав личности. Геометрическое же понимание лежит в основе антидемократизма, тоталитаризма.

¹ R. T. Flewelling. Personalism, I. c., p. 325.

От отождествления Флюеллингом «арифметического» общества с «западной цивилизацией», противопоставляемой «восточной цивилизации», за версту пахнет империалистической «геополитикой». Его «арифметика» очень нехитра. Под псевдонимом «арифметического» понятия общества выводится буржуазное общество, основанное на частной капиталистической собственности, на анархии производства, на свободе эксплуатации, на принципе «человек человеку волк».

Под псевдонимом же «геометрического» понятия общества Флюеллинг выводит ненавидный ему строй подлинной демократии, в котором интересы «целого», то есть всего трудового народа, являются высшим законом и высшим критерием.

Под покровом демократической фразеологии Флюеллинга нетрудно разглядеть злейшего врага демократии. Демократия есть народовластие: государственное устройство, исходящее от народа, осуществляемое народом и служащее интересам народа. Такое понимание демократии совершенно неприемлемо для Флюеллинга. Для него «демократия» — противоположность народовластия. Он этого и не скрывает. «Демократия, — откровенничает он, — стала злейшим врагом того, что обычно разумеют под народным правом...»¹. «Представители демократии боятся плодов и результатов народного суверенитета»². Власть народа для Флюеллинга — это «геометрическое» понятие, враждебное свободе личности. Власть народа — это, для него, не демократический, а тоталитарный строй, «тирания ранее непривилегированных». Полный злобной ненависти к народу и власти народа, Флюеллинг лживо именует эту власть «тоталитаризмом», скрывая своё империалистическое нутро под маской «демократии».

Своими лживыми рассуждениями о «геометрическом» и «арифметическом» понятиях общества Флюеллинг пытается скрыть и извратить тот бесспорный факт, что буржуазное общество уродует человеческую личность, что оно, предоставляя свободу империалистическим хищникам, обрекает на нищету, голод, изнурительный труд десятки миллионов личностей, составляющих народы капиталистических стран. Флюеллинг стремится скрыть от сознания масс в этих странах, что только социализм, освобождая народ от капиталистического угнетения, создаёт все возможности для свободного развития человеческой личности.

¹ R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 112.

² Ibid., p. 100.

«Демократия», по Флюеллингу, — это свобода не для народа, а для буржуа, для хищника-империалиста. Такую демократию он именует «демократией качества», противопоставляя её «демократии количества». Истинная демократия, расписывает он, — не демократия законов, учреждений, конституций, общественной организации, а демократия духа. Презрение к массам, страх перед волей народа, охрана существующего строя — таково действительное содержание персоналистской «демократии». Не удивительно после этого, что Брайтмен объявляет персоналистом... Гитлера, с той только оговоркой, что это был «извращённый вид персонализма», ибо высшей ценностью, даже высшей реальностью он считал личность «арийского типа»¹. В одном Брайтмен прав: фашистский культ личности — разновидность той же буржуазной антидемократической, империалистической идеологии, другой разновидностью которой является американский персонализм.

Через все писания персоналистов проходит противопоставление «личности» — народу, «свободы» — демократии и социальному равенству. «Мы напрасно воображаем, — пишет Флюеллинг, — будто равенство в распределении богатства, привилегий или образования приведёт к обновлению общества»². Ещё бы! Для флюеллингов экспроприация экспроприаторов, уничтожение привилегий денежного мешка, всенародное право на образование — не обновление, а светопреставление. «Обновление», о котором они мечтают, — это примирение трудящихся с эксплуатацией, смиренная, безропотная покорность угнетённых народных масс. Восхваляемая Флюеллингом свобода, противостоящая народовластию и социальному равенству, есть свобода наживы, свобода эксплуатации человека человеком. За эту «свободу» и ратуют проповедники персонализма.

Среди лидеров американского персонализма Рэлф Тэйлор Флюеллинг — особо наглая черносотенная фигура. Это отъявленный, злобный враг народа, верный, на всё готовый холоп американского империализма.

Хищникам Уолл-стрита нужно «жизненное пространство». Для их экспансионистских воцелений тесен мир. Рамки национальных государств стали препятствием для их «свободы». Флюеллинг считает своей обязанностью покропить святой водой

¹ E. S. Brightman. Nature and Values, p. 113.

² R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 276.

персонализма агрессивные притязания американского империализма. «Современная цивилизация, — пишет он, — не может довольствоваться нынешним узким, ограниченным националистическим базисом. Она должна либо стать космополитической, либо погибнуть»¹. Он ополчается против «стремления гальванизировать старинные национализмы». «Мир, — заявляет он с циничной откровенностью бандита, — стал слишком тесен для Запада и слишком просторен для Востока»².

Отсюда один шаг к открытому оправданию военных авантур; и Флюеллинг, не колеблясь, делает этот шаг. Он не только одобряет агрессоров, но предлагает им услуги персонализма. «Война сама по себе, — заявляет он, — не в силах породить дух самопожертвования... Лишь когда та или иная война способна привлечь к себе религиозный импульс жертвенности... она в состоянии подняться на уровень самых удивительных подвигов»³. Последнее слово персонализма — призыв к освящению мерзости империалистической войны дурманом религии. Лидер персонализма предлагает поджигателям войны свои услуги в качестве походного капеллана.

Таков персонализм. Он проповедует «свободу личности», чтобы утвердить духовное рабство; он восхваляет «демократию», чтобы охранить капиталистическую эксплуатацию; во имя «человеколюбия» он благословляет империалистическую агрессию.

¹ R. T. Flewelling. The Survival etc., p. 236.

² Ibid., p. 14.

³ Ibid., p. 247.

